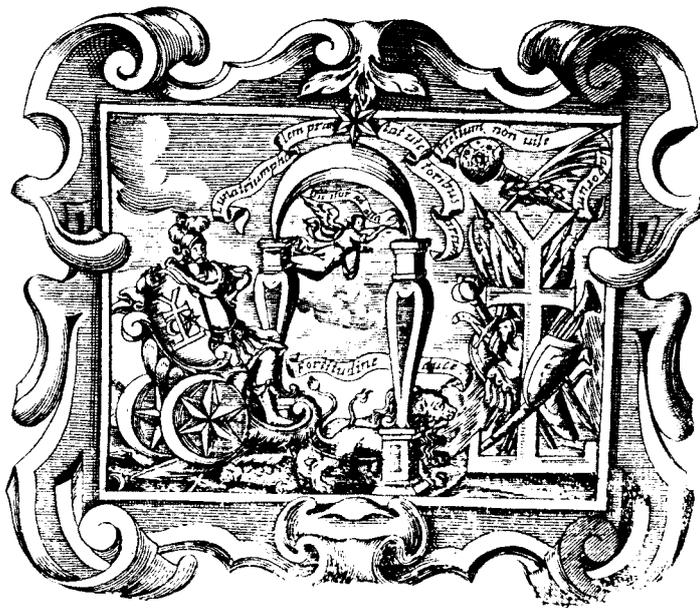

Mazepa e il suo tempo
Storia, cultura, società

Mazepa and his time
History, culture, society

a cura di
edited by
Giovanna Siedina

Edizioni dell'Orso

ЕЛЕНА ПОГОСЯН

(Эдмонтон – Канада)

И. С. МАЗЕПА В РУССКОЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 1708-1725 ГГ.

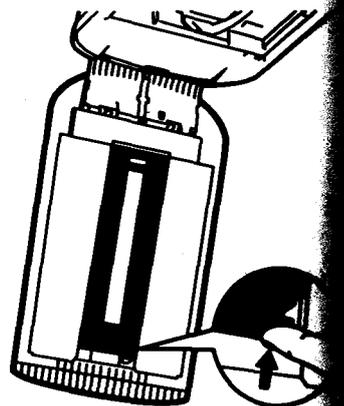
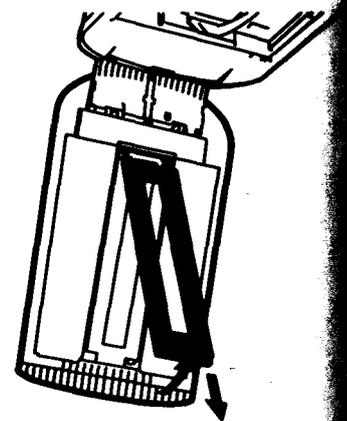
Оценки Мазепы в официальных источниках петровской эпохи¹ неизменно отрицательные. Но даже оценки, заключенные в манифестах и универсалах самого Петра, оставаясь отрицательными, заметно меняются со временем. Эволюция таких оценок является главной темой настоящей статьи.

Первые известия о переходе гетмана Мазепы на сторону шведов Петр I получил 26 октября 1708 г. «Инако рассуждать не изволте, толко что совершенно изменил», – уверял царя Меншиков (ПБПВ, VIII-2, 865)². В ночь на 27 октября был собран военный совет, по решению которого Меншиков отправился «добывать Батурия». Сам царь, однако, в своих указах от 27 октября, посланных войску Запорожскому, митополиту Киевскому Иосафу Кроковскому, архиепископу Черниговскому Иоанну Максимовичу и епископу Переяславскому Захарии Корниловичу, говорил о случившемся крайне осторожно. «Гетман Мазепа, – писал царь, – *безвестно пропал, и сомневаемся мы того для, не по факциям ли каким неприятельским. Того ради повелеваем мы всей генеральной старшине и полковником и прочим, дабы немедленно к нам в обоз наш к Десне для советов, а буде он, гетман, конечную неверность явил, то и для обрания нового гетмана приезжали*» (ПБПВ, VIII-1, № 2760-2763). Петр, по всей видимости, сам еще надеялся на ошибку и готов был видеть в известиях, доставленных Меншиковым, провокацию со стороны шведов.

Только 28 октября в указах «ко всем жителям Малой России», войску Запорожскому, митополиту Киевскому, архиепископу

¹ К официальным источникам мы относим все документы, подписанные монархом (указы, универсалы, личные письма), составленные или напечатанные по указанию царя, а также прочитанные в его присутствии.

² В ссылках на основной текст этого издания указывается номер документа, в ссылках на комментарий – страница.

Черниговскому и епископу Переяславскому (ПБПВ, VIII-1, № 2767-2772) Мазепа был прямо обвинен в переходе на сторону врага, нарушении присяги и крестоцелования; желании передать Украину в польское владение, уничтожить православие в Малороссии и утвердить унию; наконец, во введении для своего личного обогащения налогов, о которых царь ничего не знал ранее:

Гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное к нам, великому государю, целование, *изменил и переехал к неприятелю нашему*, королю Швецкому [...] дабы [...] *Малороссийскую землю поработить попрежнему под владение Полское и церкви Божии и святых монастыри отдать во унию* (ПБПВ, VIII-1, № 2767).

Бывшей гетман хитростию своею *без нашего указа аренды и многие иные поборы наложил* на Малороссийский народ, будто на плату войску, а на самом деле ради обогащения своего (ПБПВ, VIII-1, № 2771).

Этот круг политических обвинений повторялся впоследствии из документа в документ.

30 октября Петр впервые указывает, что Мазепа перешел «к еретикам» (ПБПВ, VIII-1, № 2793), а сам гетман в письме царя к Федору Матвеевичу Апраксину назван «*новый Июда*» (ПБПВ, VIII-1, № 2786). Именно тогда, как можно полагать, у Петра возникает впервые мысль о церковном проклятии гетмана³. На следующий день, 31 октября, царь пишет письмо местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому. В письме Петр прямо требует предать Мазепу анафеме, выстраивает аргументы, которые должны доказать необходимость этого акта, и указывает на факты, которые можно использовать при произнесении проклятия:

Чеснейший отче.

Понеже паче всякого чаяния Мазепа *втарыи Июда нравом и образом, паче же действием*, явился и, *оставя православие*, к

³ Следует отметить, что церковное проклятие «бунтовщика и изменника» не было новшеством: в XVII столетии в неделю Православия ежегодно звучали проклятия Гришке Отрепьеву, Тимошке Анкудинову, Стеньке Разину (Булгаков, 513). В 1721 г. царь указал Святейшему Синоду предать анафеме Степана Глебова (*Полное собрание постановлений*, 421).

ерет.
вели
гони.
Шве
сего
веда
ево
(ПБ

Обряд
Перед пр
перечисл
Стефа
напомина
преиспод
который
есть ветр
искать «
образцы
вероломи

А о
тред
запс
сли
масл
масл
обо
ниш
мни
госу
дубс
неде
Све
быт
име
нар
(Не

Стефа
высказан
называет

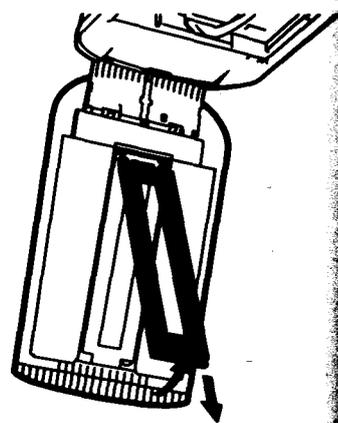
еретикам Шведам ушел [...] и вместо защищения також как великой строитель оных был святым церквам, ныне проклятой *гонитель* оным учинился (*понеже недалеко от Новгородка Шведы в одной церкви лошадей поставили*), о чем сей народ от сего Иуды проклятого zelo утесненный всегда плакал (чего мы не ведали доселе), а наипаче ныне. Того ради изволте онаго за такое ево дело публично в саборной церкви проклятию предать (ПБПВ, VIII-1, № 2795; все письмо написано рукой Петра).

Обряд проклятия состоялся в Москве в Успенском соборе 12 ноября. Перед проклятием Стефан Яворский произнес проповедь, в которой перечислял все «вины» бывшего гетмана.

Стефан начинает проповедь рассуждением о грешниках, которые напоминают ему «трость ветром колеблему»: «Повеет ветер от ада преисподняго, прикоснется ему своим бесовским дыханием, аж тот, который мнился быти маслиною, дубом и кедром Ливанским, тростию есть ветром колеблемою». Примеры, по мнению Стефана, не нужно искать «от историй иноземческих» – «в дому имеем образцы». Эти образцы – «Стенки Разины», «Булавины» и другие «бунтовщики, вероломцы, воры».

А о нынешнем *изменнику*, – продолжает Стефан, – *перекидчику* треокаянном Ивашке Мазепе, войск его царского величества запорожских бывшем гетмане что ся вам мнить? Двадесять лет и слишком гетманом был и чрез все тое время являлся быти маслиною. Глянешь на благоразумие на политику, мнится быти маслина. *Глянешь на благочестие, на строение домов Божиих, на обогащение церквей, монастырей, на созидание богаделен, на нищелюбие, страннолюбие и иныя добродетели, ей по истине мнится быти маслина плодовица в дому Божии. Чтож о верности государю своему возглаголем? Ту уже не только маслиною, но дубом и кедром Ливанским мнился быти непреклонным и недвижимым. Ныне же что слышим? Повеял ветр от уст Льва Свейскаго, паче же рещи от уст льва адскаго, аж то, что мнилося быти в очесах наших кедром, сталося тростию [...]* Собственнаго имени тебе не обретаю, паче сего, егда ты зменника вселукава нареку Иудю. [...] Анафема, анафема, анафема да будет проклят (*Неизданные проповеди*, с. 106-109).

Стефан, как мы видим, повторяет те обвинения, которые были высказаны в письме царя: указывает на предательство Мазепы и называет его Иудой, подчеркивает, что гетман был известен как

защитник и «строитель» православной церкви, теперь же перешел в лагерь ее противников. Единственная характеристика, которую несколько утрирует Стефан, – это характеристика шведов. Петр указывал, что они еретики, Стефан же называет их, а, скорее, самого Карла XII, «львом адским».

Несколько ранее Мазепа был предан анафеме в Глухове в присутствии царя. В «Походном журнале» Петра читаем:

Архиереи приехали в Глухов: Киевской (Иоасаф Кроковский), Черниговской (Иоанн Максимович), Переславской (Захарий Корнилович), 8-го числа [Ноября – Е.П.]. Мазепу *проклинали публично* оные Архиереи 9-го дня. Того ж дня и персону сего изменника, писаную на холсте, волоча по площади, *повесили* на виселице на площади ж (*Журнал Петра Великого*, с. 20-30).

Д. Н. Бантыш-Каменский, со ссылкой на Малороссийские дела, указывает:

12 числа государь со всею свитою слушал в соборной Троицкой церкви Божественную Литургию и молебен, по окончании которого собравшиеся в Глухове первейшее малороссийское духовенство предало вечному проклятию Мазепу и его приверженцев. В тот же день вынесли на площадь набитую чучелу Мазепы. Прочитан приговор о преступлении и казни его; *разорваны* князем Меншиковым и графом Головкиным *жалованные ему грамоты на гетманский уряд, чин действительного тайного советника и орден святого Андрея Первозванного, и снята с чучелы лента*. Потом бросили палачу сие изображение изменника; все попирали оное ногами, и палач тащил чучелу на веревке по улицам и площадям до места казни, где и *повесил* (Бантыш-Каменский, с. 401).

Церемониал, как мы видим, имеет и церковный, и гражданский смысл. Мазепа (в данном случае – чучело Мазепы) сначала отлучен от церкви, а затем лишен достоинства гетмана, тайного советника и кавалера ордена св. апостола Андрея Первозванного, и становится не Иваном Степановичем Мазепой, а просто Ивашкой. Последовавшая за тем символическая казнь Мазепы – это казнь предателя: он повешен, как повесился и Иуда. Напомним, что изменника и вероотступника Якушку также ввезли в Москву на телеге с установленной на ней виселицей. Якушка перешел на сторону врагов во время первого

Азовского
«перемен
Христиан
именно с
голова ег

6 ноя
прокляти
ведет с К
теперь не
земель»,
стениями
которых
оскверня
Шведски
обращаю
Борисов
«в церкв
на земл
(ПБПВ,
широко
в туркам
была сов
определе
разработ
контекст

4 Обр
предательс
Гедеону (к
“жития”,
Сказание
Иисуса Хр
Шаховской
и замечал
Впоследст
истории и
рода князе
Очевидно,

Азовского похода и, как гласила табличка, прибитая к виселице, «переменою четырех вер Богу и изменою возбуждает ненависть Турок, Христианом злодей» (Рубан, с. 192). Показательно, что виселица имела именно символическое значение: Якушка был позднее четвертован, «и голова его взоткнута на кол» (Байер, 179)⁴.

6 ноября, то есть за несколько дней до процедуры церковного проклятия, Петр по-новому формулирует причины войны, которую он ведет с Карлом XII: военные действия в Прибалтике Петр описывает теперь не столько как борьбу за возвращение «вековечных наследных земель», но, в первую очередь, как освобождение «под игом [...] стениящих православных церквей и подданных наших благочестивых, ис которых многие насильно в Лютеранскую веру превращены». Шведы оскверняют православные храмы («А в церквах благочестивых войска Шведские, в поругание православию, лошадей своих ставят»), обращают церкви в «кирхи свои Лютеранские и униязские», в Минске, Борисове и Могилеве они грабили храмы, ходили по церкви с собаками, «в церкви соборной Могилевской, святейший сакрамент тела Христова на землю выброся и оный потир похитя, вино из оног пили». (ПБПВ, VIII-1, № 2816). Вся эта «конфессиональная» риторика, широко применявшаяся в период Азовских походов, когда Петр воевал в турками – «врагами креста Христова», с началом Северной войны была совсем оставлена. Возвращение ее в официальный «словарь» было определено пропагандистскими задачами, – в указах Петра разрабатывалась именно тема протестантизма шведов. Мазепа в этом контексте представал, в первую очередь, вероотступником, все

⁴ Образ Иуды Петр использует и в других случаях, когда речь идет о предательстве. Так, 21 июля 1706 г. царь послал «архидиакону» Всешутейшего собора Гелеону (князю Ю. Ф. Шаховскому) «Июдино житие» (ПБПВ, IV-1, № 1285). Текст «жития», как можно полагать, затерялся (он был описан П. П. Пекарским как *Сказание учителя церковного Иеронима святого о Иуде, предателе Господа нашего Иисуса Христа* под 1701 г. [Пекарский II, 53, № 45]). На посылку «Жития Иуды» Шаховской отвечал Петру уверениями в верности («аще и вси соблазнятся, но не аз») и замечал, что «на Иуду на бедного пишут, что хотят» (ПБПВ, IV-2, 966). Впоследствии именно Шаховской стал первым кавалером Ордена Иуды (вопрос об истории и семантике Ордена Иуды, в том числе и в отношении этого ордена к истории рода князей Шаховских, в последнее время плодотворно разрабатывает Эрнст Зитсер). Очевидно, что Мазепа не был единственным «Иудой» для Петра.

остальные его грехи были производными от этого первого.

В частной переписке царя “пропагандистских” обвинений, которые были обязательной частью указов, обращенных к населению Малороссии, мы, разумеется, не встречаем. 30 октября 1708 г. Петр пишет, например, Федору Матвеевичу Апраксину:

Нужда повелевает являти, что учинил *новый Июда* – Мазепа, ибо 21 год был в верности, ныне при гробе стал *изменник и предатель своего народа*. [...] Правда, хотя сие зело худо, однакож он *не толко с совету всех, но не с пяти персонь* сие зло учинил. Что услышав, здешней народ со слезами Богу жалуютца на онаго и неописанно злобствуют. Понеже, как слышим, *кроме Бога житье ево было*. И тако надежда в Бозе, что он себе зло вяще исходоталствовал (чему пособит кровь самуйлова [И. С. Самойловича – Е.П.]) неже тому, кому хотел (ПБПВ, VIII-1, № 2786).

Тогда же царь писал В. В. Долгорукому:

Мазепа не хотел в добром имени умереть: уже будучи при гробе учинился *изменником* (ПБПВ, VIII-1, № 2787).

Петр видит в Мазепе злодея и изменника, чье истинное лицо он наконец разглядел («кроме Бога житье его было»), и радуется, что настоящих сторонников у Мазепы не более «пяти персон». Никаких рассуждений о попрании православия в личных письмах Петра мы не находим, Мазепа для него – только человек, пренебрегший принесенной присягой и милостями, которые царь расточал на гетмана в течение двадцати одного года. Июда здесь, в отличие от церемониала проклятия, звучит как уподобление, нравственная, а не конфессиональная характеристика. Если среди официальных, ориентированных на пропагандистскую функцию деклараций превалировали политические и конфессиональные обвинения, то в личной переписке Петра основное место занимают характеристики Мазепы, переводящие ситуацию в сферу подданической морали и чести.

К 7 ноября 1708 г. (когда новый гетман был уже выбран, и указания о церковном проклятии Мазепы отданы) Петр считал дело Мазепы окончанным. «Итак, – писал, например, он Ф. М. Апраксину, – проклятой Мазепа, кроме себя, худа никому не принес (ибо народом

имени ев
(ПБПВ, V
напряжен
ситуации
присылк
напечата.

Однак
беспокой
добиться
Польско
обвинени
что сам I
в своем
уже данс
перемени
Приблиз
известно
Лещинск
с. 109-11
продемон
себя под
католико
украинск

Хот
кля
сод
под
чем
его

Как д
Мазепы,
переведе

Ож
Леш
при
неп

имени ево слышать не хотят). С сим изрядным делом вам поздравляю» (ПБПВ, VIII-1, № 2817). С этого времени переписка Петра теряет напряженный и эмоциональный характер, а фокус ее с украинской ситуации перемещается на другие дела – царь, например, просит о присылке щенков, пишет М. П. Гагарину и И. А. Мусину-Пушкину о напечатании полной азбуки и т.п. (ПБПВ, VIII-1, № 2820 и след.).

Однако, в конце января 1709 г. ситуация вновь меняется. Петра беспокоили универсалы, в которых Мазепа писал о своем плане добиться в помощь Карла XII независимости для Украины как от Польской, так и от Российской короны. Кроме того, Мазепа, отвечая на обвинения со стороны царя в отступлении от православия, писал о том, что сам Петр «давно уже ведет переговоры с папою, как бы искоренить в своем государстве греческую веру и ввести римскую, что иезуитам уже дано позволение заводить школы и костелы, что царь непременно переменит веру, как скоро освободится от войны» (Соловьев, с. 252). Приблизительно в это время через Голицына и Меншикова царю стало известно письмо Мазепы к Польскому королю Станиславу Лещинскому, посланное 5 декабря 1708 г. из Ромны (*Распросные речи*, с. 109-110). Перехваченное письмо Мазепы давало Петру возможность продемонстрировать, что гетман, вопреки своим заявлениям, называет себя подданным польского короля и, к тому же, является тайным католиком. 31 января 1709 г. царь издал очередную *Грамоту к украинскому народу*, в которой писал о Мазепе:

Хотя оный в пашквелях своих [...] з богоотступною совестью клянется, будто для общей пользы народа малороссийского и содержания вольностей их и чтоб оному не быть ни под нашею, ни под польскою властию, но содержатися особливо свободному, в чем будто ему от короля шведского обещание дано. Но ныне та его богомерзкая ложь объявилась явна.

Как доказательство, Петр и приложил к своему указу письмо Мазепы, которое в оригинале было написано по-польски, а в указе переведено «для лутшаго выразумения на российский язык».

Ожидаю, – писал, согласно русскому переводу, Мазепа Лещинскому, – счастливого и скорого вашей королевской милости прибытия, чтоб мы могли соединенным оружием и умыслы неприятельского *московского змия* намерения, вначале *усмирить*

дракона, а наипаче ныне, когда начала Москва грамотами своими *простой бунтовати народ* и гражданскую сочинять войну. И хотя оной никакого еще не имеем виду, однакож те *искры, утаенные в пепле*, надобно б временно гасить, чтоб из оных к публичному вреду какой не произошел *огонь*. Для чего, яко отцы *в лимбе* (сиречь *в притворе адском* или чистце), ожидаем пришествия вашей королевской милости (ПБПВ, XIX-1, № 2999).

Картина, нарисованная в этом письме, когда змей (он же дракон) прельщает народ и распространяет огонь, от которого сторонники Мазепы ощущают себя как в адском притворе, отсылала читателя к 12-й и 13-й главам *Откровения Иоанна Богослова*:

И бысть брань на небси: михаилъ и агглы егѡ брань сотвориша со змиемъ [...] змий великий, змий древний, нарицаемый дѣволъ и сатана [...] и оны сотворитъ сходити съ небесе на землю предъ человеки. И ластитъ живущыа на земли (Откр. 12, 7-9; 13, 13-14).

Как можно заметить, в переводе письма Мазепы Петр был назван «змий» и «дракон». В славянском тексте *Откровения* находим только первую из характеристик – “змий” (*Острожская Библия; Библия* 1663). По замыслу Петра, читатель должен был не только опознать, на какой именно библейский эпизод намекает Мазепа, но заметить, что Мазепа ссылается не на славянский текст *Откровения*, а на *Вульгату*, где присутствовали и дракон, и змий («*draco ille magnus serpens antiquus qui vocatur Diabolus et Satanas*»). Значимым было и упоминание “лимба”, которое также указывало на не-православный характер послания Мазепы (само пояснение «притвор адский» должно было подчеркнуть это). Письмо, таким образом, было свидетельством конфессиональных предпочтений Мазепы.

Следует отметить, однако, что в польском оригинале письма Петр был назван только драконом («*in herba sopire draconem*» [Бантыш-Каменский, с. 577]). И если некоторые выражения письма Мазепы (упоминание “дракона” и “лимба”) можно было истолковать как не-православные, то аллюзии на *Откровение* здесь мог найти только крайне пристрастный читатель. Выражение «*in herba sopire draconem*» должно было, скорее, свидетельствовать о коварстве Петра. Как ни парадоксально это звучит, но Петр включил в указ характеристики своей особы, которые уподобляли его апокалиптическому змию, но

которых очевидны который контекст присоединил Петру.

Эпизод адские ссы уже с XV знамена, послы пе «государе активно Украины. Патерик помещен поражающ Богоматер Печерску крила орла объединя Покрова образы 12

В 1666 сочинения Баранович обращение лист, небо пресветло знамени. комментарий читателя и *звстрѣнь* представляе ярус зани верхом в Владимир

которых не было в письме Мазепы (или, по крайней мере, они не были очевидными). Такой “перевод” письма переводил полемику в контекст, который до сих пор в “войне универсалов” не был актуальным, – в контекст идеологического строительства 1660-х гг., сопровождавшего присоединение Украины к России. И инициатива здесь принадлежала Петру.

Эпизоды Апокалипсиса, в которых небесное воинство побеждает адские силы, широко использовались при украшении царских знамен уже с XVI в. («знамя [...] Видение св. Иоанна Богослова» [*Старинные знамена*, с. 26 и след.]). Со времени Переяславской Рады, когда русские послы передали Богдану Хмельницкому царское знамя в качестве «государева жалованья» (*Воссоединение*, с. 436), образы Апокалипсиса активно эксплуатировались при описании отношений России и Украины. Так, в 1661 г. типографией Печерской лавры был отпечатан *Патерик или отечник печерский*, на фронтисписе которого был помещен двуглавый Российский орел, а на его груди – всадник, поражающий змея. Выше была помещена крылатая фигура Богоматери, “покрывающей” своим плащом Российского орла и Печерскую лавру, и надпись из Апокалипсиса «И дана быша жемѣ два крила орла великаго» (Апок. 12, 14). Этот эмблематический коллаж объединял Российскую государственную эмблематику, изображение Покрова Богородицы (теперь уже не только России, но и Украине), и образы 12-й главы Апокалипсиса (Plokhy, с. 32 и след.).

В 1666 г. изображение царского знамени было гравировано для сочинения Лазаря Барановича *Меч духовный*. Свое сочинение Баранович посвятил Алексею Михайловичу. Оно открывается кратким обращением к царю, за ним следуют богато гравированный титульный лист, небольшое стихотворное толкование к царскому знамени («На его пресветлого царского величества знамение») и само изображение знамени. Цикл посвящений завершает пространный прозаический комментарий на знамя. Уже заглавие книги Барановича отсылает читателя к словам Апокалипсиса «из оустъ егѡ мечь обоедѣ остръ и змѣ стрѣнь исходѣи» (Откр. 1, 16). Тема борьбы со змеем-сатаной представлена во всех изображениях титульного листа книги: верхний ярус занимает небесное воинство, во главе которого бородатый воин верхом в шапке Мономаха и с нимбом, по-видимому, св. князь Владимир Святославович (“дедич” российских монархов). В среднем

ярус помещены фигуры царя Давида, попирающего останки Голиафа, и апостола Павла, под ногами которого лежит поверженный змей. Наконец, в нижнем ярусе изображено бурное море. Слева, – корабль праведников, у кормила которого Иисус Христос. Справа терпит крушение корабль грешников: мачта уже надломилась и парус с изображением “змия”-сатаны падает в воду; у кормила – фигура рогатого “антихриста”. Весь лист испещрен цитатами из Апокалипсиса.

На втором гравированном листе, повторяющем изображения царского знамени, помещен бородатый всадник в шапке Мономаха, но уже без нимба: на груди его крест, а под ногами поверженный дракон. Всадник, по всей вероятности, представляет Алексея Михайловича, побивающего врагов православия. О кресте на венце царя Алексея (этот крест отчетливо прорисован на гравюре), Баранович пишет в прозаическом комментарии: царь, по его словам, «возлюбил еси крест на своем венце нося»⁵. По словам Барановича, это - царский «воине» (слово «царский» здесь следует понимать как указание на достоинство), который, облекшись «в броню веры», наступил «на аспида и василиска», попрая «льва и змия», и победил «диавола» (*Меч духовный*, нумер.).

У Барановича гонителем православия (а потому «змием») является Ян Казимир, который, как писал Алексей Михайлович главе посольства, направлявшегося к Богдану Хмельницкому, учинил «насилие веры христианские» (*Воссоединение*, с. 429)⁶. Петр не случайно приписал Мазепе рассуждения о «Московском змие». Эта характеристика отсылала к событиям присоединения Украины к России, и ставила читателя перед необходимостью решить, кто же является “змием” – разорителем православия, и кто на крыльях орла спасает Жену – церковь. Универсал Петра давал однозначный ответ: Карл и Мазепа разоряют православную церковь в Украине, и только крылья Российского орла могут ее спасти.

После Полтавской битвы Петр не перестает интересоваться судьбой Мазепы и по-прежнему крайне заинтересован в поимке гетмана.

⁵ Именно таким изображен Алексей Михайлович на титульном листе в Московской Библии 1663 года.

⁶ В период Крымских походов и при взятии Азова тот же “змей” представлял турецкого султана (Погосян, Смержевских, с. 10-13).

Однако, потому Петра у Полтавы показат

Перви соборе о Полтаве. *Панегирис Свейский*. Феофана Прокопо наущение Прокопо своих не ею же н Хамова б клятвопр господня, российски и отверга твоих» (Г

В *Епин*

Ле Ка Ст На О За

Таким с клятвы и документа Арием, и скоре, в о Так же

Однако, как политическая фигура Мазепа больше не беспокоит и потому не интересует царя: идеологически «мазепинский сюжет» для Петра уже себя изжил. Тем не менее, все панегиристы, воспевавшие Полтавскую битву, обязательно вспоминают Мазепу, стремясь показать, какие препятствия стояли перед Петром на пути к победе.

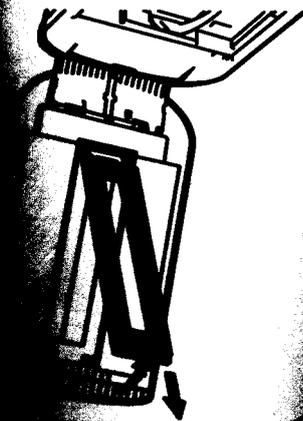
Первым выступил Феофан Прокопович. 24 июля в Софийском соборе он произнес в присутствии царя похвальное слово, посвященное Полтаве. Слово вскоре было напечатано в составе брошюры *Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе*. Сюда был включен также стихотворный панегирик Феофана *Епиникион сиесть песнь победная*. Мазепа представлен у Прокоповича как «клятвопреступный изменник», который «диаволиским наущением на пагубу своегоже отечества мечтахуся». «Пси, – пишет Прокопович, – не угрызают господий своих, звери сверепя питателей своих не вредят; лютейший же всех зверей раб, пожела угристи руку, ею же на толь высокое достоинство вознесен [...]. Не утрашися Хамова безстудия, не убояся *Иудина беззакония*, не вострепета Ариева клятвопреступства, не помысли о священнейшой и невредимой Христа господня, студ и вред отечества нашего! Лжет бо, сыном себе российским нарицая, враг сий и ляхолубец. Хранися таковых, о России, и отвергай от лона твоего [...] имаши всегда носити *змия* в нядрах твоих» (Гребенюк, с. 188).

В *Епиникионе* Мазепа охарактеризован в близких выражениях:

Летит свей, летит купно *зменник* неистовый.
 Камо *духом бесовским* бежиши носимий,
 Студе веку нашего, вреде нестерпимий?
 На отца отечствия мещеши меч дерзкий!
 О *племя ехиднино!* О изверже мерзкий!
 Забыв любов отчую и презрев самага... (Гребенюк, с. 200).

Таким образом, Мазепе ставится в вину только измена, нарушение клятвы и неблагодарность. Даже сравнение с Иудой, переходившее из документа в документ, растворено в ряду сопоставлений с Хамом и Арием, и потому теряет свою концептуальность и превращается, скорее, в оценку.

Так же характеризует Мазепу и Иоанн Максимович. В толковании

на молитву «Отче наш» и книге *Царский путь креста Господня*, он говорит, правда, о «*еретическом льве свейском*» (Гребенюк, сс. 59, 60), но в целом следует Слову Стефана Яворского, произнесенному при проклятии Мазепы («Приемши злохитра советника, *трость ветром колеблему*, блудящий мазепинский зодиак»).

Украинское духовенство, как мы видим, в целом обходит антипротестантскую тематику, вероотступничество Мазепы и тот круг идеологем, которые были заявлены в переводе письма Мазепы Лещинскому. Вполне вероятно, что, находясь географически ближе к царю, Феофан Прокопович, а за ним и Иоанн Максимович, могли более чутко реагировать на изменение настроений Петра. В Москве, где готовились торжества по случаю Полтавской победы, приходилось довольствоваться реляциями, в которых Мазепа больше не занимал важного места, или, при необходимости, обращаться к тем документам, которые были изданы ранее, в том числе и к переводу письма Мазепы Лещинскому.

В промежутке между Полтавой и концом 1709 года, когда состоялись торжества по случаю победы, Стефан Яворский написал свое *Слово о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года*. Слово построено преимущественно вокруг образов Апокалипсиса. Петр, – указывает Стефан, – победил шведов «Христом». Он сокрушил мечи шведов, потому что «имать меч исходящий от уст своих Христос». Это цитата из Апокалипсиса, как мы видели, традиционно помещалась на царских знаменах и послужила Лазарю Барановичу отправной точкой для толкования царского знамени. Далее Стефан прямо обращается к Апокалипсису. «Святый Иоанн Богослов глаголет, – пишет Стефан, цитируя 13-ю главу Апокалипсиса, – и видех из моря зверь исходящ, имущ глав седмь, и рогов десять [...] бе подобен рыси, и нозе его яко медведя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змий силу свою». Апокалиптический змий – «дьявол и сатана». «Зверь из моря, – как указывает Стефан, – есть король Шведский», который «разорил дома Божия и обнажил, и дерзнул окаянный внити в державу Государеву». В соответствии с пророчествами Апокалипсиса, зверь получил неисцелимую рану: это пророчество Стефан одновременно относит и к реальному ранению Карла XII, и к поражению в Полтавской битве: «Орел сокруши главы морскаго зверя того, и самаго уязви язвою смертоносною, еже пребудет неисцельна на веки».

По с
земле с
Мазепа,
Слове
произне
которы
(Апок.
получае
этом, ка
следоват
в перево
обвинени
январско

Након
воспомин
академии
Главная
“лжехри
“непочит
посмеяте
выбран
использо

Явис
трет
со а
обре
живу
чело
земн
росс
вси
обла
(Слу

Вместо
возвесели
на земле
интенсив

По сюжету Апокалипсиса, зверь начинает прельщать живущих на земле с помощью “лжепророка”. Лжепророком у Стефана оказывается Мазепа, которого Стефан, следуя своему собственному утверждению в Слове на проклятие гетмана, что имя его недостойно быть произнесенным, называет «той»: «Но и той с клеветы своими, который поклонился тому зверю, примет казнь и погибель свою» (Апок. 13, 11-14) (Яворский, с. 142-143). Мазепа, таким образом, получает у Стефана свое место в «апокалиптическом сюжете». При этом, как и в случае со Словом на проклятие, Стефан старается точно следовать «установкам» царя: кроме образов Апокалипсиса (завленных в переводе послания Мазепы к Лещинскому), Стефан обращается и к обвинениям в осквернении церквей, которые составляют основу январской грамоты Петра.

Наконец, в честь Полтавской победы и с целью ввести ее годовое воспоминание, по приказу царя ректор славяно-греко-латинской академии Феофилакт Лопатинский составил церковную службу. Главная тема второй части службы, где выведены враги Петра, – “лжехристианство” еретика Карла. Феофилакт называет Карла “непочитатель креста святого, лжехристианин и Божественных икон посмеятель”. Отправным тезисом для развития этой важной темы выбран в службе именно тот стих из *Откровения*, который был использован в письме Мазепы (Откр. 12, 7-12). Феофилакт пишет:

Явися иногда змий велик чермн на небеси, егоже хобот оторже третью часть звезд небесных: ста Михаил противу ему во брани со аггелы своими, и не возможе змий, и аггели его, и место не обретеса их к тому на небеси, и возвеселишася о сем небеса и вси живущии на небеси: явися ныне на землю лев свейский, вьпше человек о себе помышляя, и к своему зломыслию многую часть земных привлече, ста противу ему Богом хранимый царь российский, и сотре его, вся воя его, возвеселися о сем земле, и вси православнии живущии на ней, ныне бо спасение и сила и область Христа Его, яко низложен быст клеветник братии нашея (Служба, нenum.).

Вместо печали Феофилакт призывает землю возвеселиться так, как возвеселились небеса: “змий”, свергнутый с небес Михаилом, побежден на земле православным царем Петром I. Феофилакт довольно интенсивно использует текст *Откровения* и на протяжении всей

службы.

Уже в этом отрывке службы мы видим, что Феофилакт проводит аналогии между персонажами Апокалипсиса и политическими врагами царя Петра иначе, чем Стефан. Карл и шведы представлены у него змием-сатаной (а не морским зверем антихристом, как у Стефана). Феофилакт точно следует в том направлении, которое указано было Петром в январе 1709 г.: там Петр от лица Мазепы был назван драконом и змием, то есть дьяволом и сатаной, и читатель должен был самостоятельно отнести эти характеристики к настоящему дракону и змию (Карлу). Если “свейский лев”, он же “древний змей” в своем богоотступничестве есть сатана и дьявол, то поклонился ему и бунтует народ антихрист – Мазепа⁷.

Антипротестантский пафос универсалов Петра 1708-1709 гг. был формой политической борьбы. Царь, конечно же, не считал Карла XII ни сатаной, ни антихристом. Уже в 1711 г. в текст Полтавской службы при переиздании ее составе *Минеи* были внесены первые изменения. Так, ряд отрывков, в том числе и те, где Феофилакт Лопатинский обращался непосредственно к тексту Апокалипсиса или варьировал темы, с ним соотнесенные в службе (например, тему Вавилона), были сокращены или вовсе исключены. Эпизод борьбы архангела Михаила со змеем был сокращен почти вдвое, пространный фрагмент, посвященный Мазепе-Иуде редуцирован до слов «обретесе ныне последующий зле предидущему Иуде, обретесе вторый Иуда, раб и льстец, диавол нравом» (*Минея* 1711; Погосян, Смержевских).

В 1723 г. Служба вновь подверглась редакторской правке, но, по-видимому, правка не была доведена до конца: в *Минею* 1724 г. служба так включена и не была (*Минея* 1724). Сохранился экземпляр первого

⁷ Торжества по случаю победы открывались триумфальным шествием, на пути процессии были построены триумфальные ворота, и издано их описание под заглавием *Политиколепная апофеозис* (Гребенюк, с. 65-66). Как и Стефан, составители описания обратились именно к апокалиптической тематике, заявленной Петром в январском письме, и точно определили, в рамках какой традиции это письмо составлено. Для фронтисписа был гравирован всадник, который поражает льва и змея (Карла и Мазепу). Изображение было точно скопировано с фронтисписа Патерика 1702 г. издания, который, в свою очередь, повторял композицию иконы “Азовская Богородица” (а она была построена вокруг сюжетов Апокалипсиса) (Погосян, Смержевских, с. 13).

издания
Бужинс
200-201
прежнем
наприме
законе,
них (ш
решени
обыкнов

С на
получает
Елизавет
завещани
вред Рос
8476).

Еще д
подготов
1741 г. с
блаженны
Императр
благополу
великия
(*Минея* 1
престол Е
вновь был
в приглаж
сатаны, а

Не мож
г. Елиза
потерял с
политизир
вопреки в
свой анти
богоотсту

издания, где уже имеются некоторые поправки, сделанные Гавриилом Бужинским, поверх которых находится правка Петра (Пекарский II, 200-201; Быкова и др., с. 167). Правка царя показывает, что его, по-прежнему, не устраивал антипротестантский пафос службы. Так, например, царь сделал приписку: «Переменить, понеже бо не идет о законе, а горда была (Швеция): война не о вере, но о мере; також и у них (шведов) крест [...] есть во употреблении и почитании». По решению Синода «в день Полтавской битвы отправлялся только обыкновенный благодарственный молебен» (Пекарский II, с. 201-202).

С началом Елизаветинского царствования Полтавская служба получает новое звучание. В манифестах о восшествии на престол Елизавета обвиняла Миниха и Остермана в том, что они, утаив завещание Екатерины I, препятствовали ее воцарению, действовали во вред России и преследовали Православную церковь (ПСЗРИ XI, № 8476).

Еще до вступления Елизаветы на престол была начата работа по подготовке нового издания служебной *Минеи*. *Минея* была напечатана в 1741 г. с указанием «Минея месячная начата тиснением при державе блаженныя и вечnodостойныя памяти великия государыни нашея Императрицы Анны Иоанновны: а окончана тиснением при благополучном владении Благочестивейшая самодержайвнейшая великия государыни нашея Империтрицы Елизаветы Петровны» (*Минея* 1741). То есть *Минея* была издана сразу по вступлении на престол Елизаветы, между 25 ноября и 31 декабря 1741 г. В состав ее вновь была включена Полтавская служба в редакции 1711 г., где, хотя и в приглаженном виде, шведы были выведены как еретики и поборники сатаны, а Иуда-Мазепа как их первый приспешник.

Не может быть никаких сомнений в том, что фигура Мазепы в 1741 г. Елизавету интересовала мало: как политическая фигура гетман потерял свое значение еще в начале 1710-х гг. Тем не менее, глубоко политизированная Полтавская служба, по стечению обстоятельств и вопреки воле ее заказчика, царя Петра, надолго сохранила не только свой антипротестантский пафос, но и образ Мазепы – еретика и богоотступника.

ЛИТЕРАТУРА

Байер С.

1738 *Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу*, Санкт-Петербург.

Бантыш-Каменский Д. Н.

1903 *История Малой России*, Санкт-Петербург-Киев-Харьков.

Баранович Лазарь

1666 *Меч духовный*, Киев.

Библия

1663 *Библия*, Москва.

Булгаков С. В.

1900 *Настольная книга для священно-церковно-служителей*, Харьков.

Быкова и др.

1972 Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И., *Описание изданий напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения*, Ленинград.

Воссоединение

1954 *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*, Москва, тт. I-III.

Гребенюк В. П.

1979 *Панегерическая литература петровского времени. (Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в.)*, сост. В. П. Гребенюк, Москва.

Журнал

1854 Л

Миняя

1711 М

Миняя

1724 М

Миняя

1741 М

Острожск

1988 Б

сл

ПБПВ

П

Пе

ПСЗРИ

1830 Па

Пе

Пекарский

1862 Н

I-II

Погосян Е

2002 «Я

фо

гис

исп

Журнал Петра Великого

1854 *Походный журнал 1705–1711 гг.*, Санкт-Петербург.

Миня

1711 *Миня общая*, Москва.

Миня

1724 *Миня общая*, Москва.

Миня

1741 *Миня общая*, Москва.

Острожская Библия

1988 *Библия, сиречь книги ветхого и нового завета по языку словенску*, Москва.

ПБПВ

Письма и бумаги императора Петра Великого, Санкт-Петербург-Москва 1887–1977.

ПСЗРИ

1830 *Полное собрание законов Российской империи*, серия I, Санкт-Петербург, тт. III–XI.

Пекарский П. П.

1862 *Наука и литература при Петре Великом*, Санкт-Петербург, тт. I–II.

Погосян Е., Смержевских М.,

2002 «Я деу в солнце зрю стоящу...»: апокалептический сюжет и формы исторической рефлексии: (1695–1742 гг.), в: *Studia russica Helsingiensia et Tartuensia VIII. История и историософия в литературном преломлении*, Тарту, с. 2–36.

Полное собрание постановлений

- 1876 *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи, Санкт-Петербург, т. IV.*

Распросные речи

- 1873 *Распросные речи Фески Хлюса, Сб. РИО, т. 11, Санкт-Петербург.*

Рубан В.

- 1773 *Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, Санкт-Петербург.*

Служба

Служба благодарственная [...] о великой Богом дарованной победе [...] под Полтавою, б.г., б. м.

Соловьев С. М.

- 1962 *История России с древнейших времен, Москва, кн. 8.*

Чистович И.

- 1867 *Неизданные проповеди Стефана Яворского, Санкт-Петербург.*

Яворский Стефан

- 1805 *Проповеди, Москва, ч. 3.*

Яковлев Л. (сост.)

- 1865 *Русские старинные знамена, сост. Лукиан Яковлев. Древности Российского государства. Дополнение к III отделению, Москва.*

Plokhy S.

- 2002 *Tsars and Cossacks. A Study in Iconography. Harvard Ukrainian Research Institute, Cambridge, Mass.*